

**Отзыв на автореферат диссертации Полины Валерьевны Рыбалкиной
«Проектное мышление в культуре: методологический анализ»,
представленной на соискание учёной степени кандидата философских
наук по специальности 24. 00. 01 — теория и история культуры**

Тема этой диссертации близка моим занятиям теорией и методологией. Ещё на рубеже 1980–1990-х годов и в дальнейшем я участвовал в том повороте отечественной теории познания от позднесоветского (и всё-таки марксистско-ленинского) до постсоветского (эkleктического) её состояний. Тогда, напомним, чтобы как-то отойти без идейного скандала от этого самого марксизма-ленинизма, многие коллеги сначала занялись теорией и методологией естествознания, прежде всего физики. Там отсидеться не удалось, и методологи попытались сконструировать познание и мышление в рамках всей культуры, её ценностного мира. Так из старой гносеологии получилась самоновейшая эпистемология. Более реалистичная и методологически «живая». Но очень эkleктичная и никак не размежёванная с конкретными науками о человеке и культуре ¹. В Ленинграде-Петербурге этим занялось окружение Б.В. Маркова на философском факультете СПбГУ и в «городе» ², а в Москве — группа И.Т. Касавина в Институте философии РАН ³. Я же, вдобавок, постарался распространить тематику теории и методологии познания на сферу практики ⁴. То есть не просто духовной, и не только духовно-практической, но и собственно материально-практической деятельности человека и разных объединений людей ⁵. А **«проект» в строгом смысле этого термина** относится не только и не столько к теории, а именно к практике, поскольку **предполагает не один замысел некоего будущего изменения реальности, но и намеченную заранее методику и технологию его реализации; наконец, их воплощение в жизнь, со сверкой достигнутого с планировавшимся**. Таково моё понимание термина. Без такой чёткости это слово превращается просто в модный жаргонизм и подменяет собой всё на свете: деятельность, работу, задание любого рода. Так, в наших школах как писали рефераты, так и пишут, или же составляют гербарии, но называют это «проектами»; потом выполняют дипломные работы, но называют это «проектами»... Проект же суть один из типов практического познания.

¹ См.: Щавелёв С.П. [Рец. на кн.:] Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 4. С. 198–202.

² См.: Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1993.

³ См.: Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010; Касавин И.Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013.

⁴ См.: Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с.

⁵ См.: Духовная практика / Под ред. С.П. Щавелёва. Курск: КГМУ, 2017.

Так что *тема этой диссертации* действительно *новая* для когнитивной философии. А такое редко бывает в нашей диссертационной практике, надо признать. Чаще всего идут маловразумительные перепевы старых работ.

Мало того, эта *тема и выполненная по ней работа* в самом деле *обладают практической значимостью*, не декларированной, как опять же у большинства подобных сочинений. Ведь проектный подход сегодня в моде, он заполнил школы, средние и высшие; общественную и в особенности волонтерскую деятельность, да и многие сферы профессиональной практики. И всем тем, кто произносит слово «проект», чаще всего всуе, будет бесполезно почитать работу, специально посвящённую проектному мышлению вообще. Так что я бы рекомендовал издать материалы этой диссертации монографически или в виде учебного пособия.

Вот с этой-то целью — посылить помочь автору и редактору будущей книжки — я от похвал перехожу к замечаниям и предложениям. Но моя нижеследующая критика нисколько не колеблет того вывода, согласно которому исследование П.В. Рыбалкиной состоялось и вполне диссертабельно.

Первое замечание носит внешний по отношению к самому тексту работы характер. Но его стоит обдумать руководству диссертационного совета, который вскоре собирается работать самостоятельно, выйдя из-под эгиды ВАКа. К тому же, этим же недостатком страдают почти все авторефераты защищаемых у нас диссертаций. Я имею в виду пропорцию текста реферата — 2/3 его посвящены ритуальным самохарактеристикам актуальности, новизны, пользы и т.д., и меньше 1/3 — «основному содержанию работы». Если учесть, как мало людей читают текст самой диссертации (как говорится, раз, два и обчёлся), именно автореферат до, во время и после защиты передаёт результаты автора заинтересованной публике. Не лучше ли тогда готовить его в виде «научного доклада», как практиковалось некогда в перестроечной России? Писать не *о чём работа*, а *что именно* автор пожелал бы и смог реферировать для любого читателя из её содержания. На Западе, кстати, никаких авторефератов диссертаций уровня PhD нету; диссертация там есть монография, учёная книга — её текст и рассылается экспертам тапа наших оппонентов, а те шлют на соответствующий факультет соответствующего университета свои отзывы. Вот и вся защита чаще всего. Диссертации, защищённые «с похвалой» — *cum laude*, рекомендуются к изданию и становятся книгами, электронными или бумажными. Если вдуматься, куда более полезная для науки практика, нежели наша стопроцентная публикация всех без разбора докторских и очень редко — кандидатских.

Второе замечание также относится не только и не столько к этому тексту, сколько к общей для российских соискателей учёной степени манере. Я бы назвал эту черту «декларативной апокалиптичностью». Диссертанты не находят ничего лучшего в обоснование своей темы, как пугать читателя всяким негативом. П.В. Рыбалкина пугает излишней проективностью — «"неразумными" жизненными и познавательными стратегиями современного

человечества» (С. 3), «потерей социальных и культурных ценностей» (С. 16). Почему определение «неразумные» заключено в кавычки, можно догадываться. То ли злокозненные деструкторы лишены разума и проектируют исключительно интуитивно, но это вряд ли. То ли злодеи разум используют, но во зло себе и другим. Должен обратить внимание всех испуганных техногенной цивилизацией коллег, что упомянутые угрозы, возможно (но не факт, как с тем же парниковым эффектом) угрожающие человечеству, являются вполне закономерной и даже отчасти просчитанной, а значит и в основном контролируемой платой за гигантский прогресс той же цивилизации. Этот прогресс выразился в кратном продлении среднего возраста жизни людей и качественном улучшении её материальных и духовных условий. Чтобы сразу убедить, перейду на личности — соискательницы и ее научной руководительницы. Всего лишь лет сто назад, когда жили их прапрабабушки, наверняка крестьянки, а пусть даже купчихи или дворянки, они бы не диссертации защищали, в рожали бы не меньше 5, а скорее всего и больше детей, часть которых бы наверняка померла во младенчестве. Развод с нелюбимым мужем, также и выбор жениха по своему вкусу был бы для них невозможен — без разрешения отца и барина. Ну, что ж, давайте вернём этих женщин в крепостное право и этой ценой остановим очень медленное таяние льдов в Антарктиде... Белгород, между прочим, был тогда уездным центром Курской губернии, где на два десятка храмов приходились 1 аптека, 1 больница общего профиля (без родильного отделения – рожали тогда все на дому, даже губернаторши), 1 духовная семинария и 1 гимназия. И всё. Больше нету ни школ, ни госпиталей, ни супермаркетов. Только «социальные и культурные ценности». Те самые, которые г-жа Рыбалкина теряет всякий раз, когда ходит в супермаркет, поликлинику, пользуется контрацептивами или же заходит на красочный сайт Лувра или Эрмитажа. Ах да, это последнее же суть страшное «выталкивание наших современников из привычной реальности в киберпространство» (С. 16). А что же представляет собой эта «привычная реальность»? Для большинства — панельный дома в спальном районе, унылая служба на кассе магазина, в парикмахерской или какой-то конторе; а не то крытая черепицей хата на селе, рядом с нею коровник, конюшня и птичник; почта — бумажная, в конвертах; телефон один на всю деревню, висит на стене в правлении; туалеты на улице; все товары — на полках в сельпо.... Продолжать? Не будь киберпространства, жилища соискательницы и ее руководительницы были бы захлаплены горами общих тетрадей с рукописными конспектами всех тех 87 авторов, которых я насчитал в их автореферате... И читали бы они их только в Ленинке или в Публичке, поскольку в белгородской библиотеке большинства этих авторов нет и в помине. Ну, это ещё при условии шариковых ручек, первая из которых появилась в СССР в 1962 году.. А так бы перьями писал из чернилниц, как я в начальной школе... Вот вам и пагубный технический прогресс!

Якобы только «сейчас художников, писателей, педагогов и врачей заменили администраторы-управленцы» (С. 16) (администратор по-русски и

